

ши права, въ нарушеніи законнаго спокойствія другаго лица. Поэтому законодательства, которыя не наказываютъ самостоятельныхъ угрозъ, какъ напр., кодексы греческій, венгерскій, кантоновъ Унтервальденъ, Швыцъ, Гларусъ и Бернъ не даютъ достаточной гарантіи безопасности гражданъ. Дѣйствительное опасеніе въ угрожаемомъ лицѣ могутъ возбуждать только угрозы, дѣлаемыя серьезно, что *Саррага* (*Esposizione dei delitti*, II, 431) считаетъ существеннымъ условіемъ этого преступленія. Угрозы, дѣлаемыя опрометчиво, въ порывѣ гнѣва или въ ссорѣ, не могутъ возбудить дѣйствительнаго опасенія, и слѣдовательно, нарушить спокойствіе лица. У людей необразованныхъ угроза въ ссорѣ является обыкновенною, почти необходимою прибавкою къ оскорбленію. На такія угрозы, какъ это уже замѣтилъ *Сремани* (*De jure criminali*, *Lucas* 1779, lib. III, cap. 22, § 17), не слѣдуетъ обращать вниманія („*sunt contemnendae*”). Угрозы, сдѣланныя въ порывѣ гнѣва, говоритъ *Iordão* (*Commentario ao codigo penal portuguez*, IV, 127), только фиктивны. Справедливо сказано въ мотивахъ къ французскому уложенію, что такія угрозы ненаказуемы, такъ какъ ихъ вызываетъ гнѣвъ, а уничтожаетъ разумъ. Поэтому нѣкоторые законодательства (см. § 43), указываютъ, какъ существенное условіе наказуемости угрозъ, чтобы онѣ могли возбудить опасеніе или нарушить спокойствіе угрожаемаго. Такъ слѣдуетъ понимать 139 и 140 ст. устава о наказаніяхъ. Тессинъ, 341, прямо указываетъ), что угрозы не подлежатъ наказанію, когда онѣ сдѣланы въ порывѣ гнѣва или въ дракѣ. Напротивъ того, Фрибургъ, 389, наказываетъ и угрозы, невозбуждающія опасенія. Опасеніе не считается дѣйствительнымъ и основательнымъ, если, какъ замѣчаетъ *Глязеръ* (*Abhandlungen* I, 215), потерпѣвшій вполне убѣжденъ въ томъ, что онъ въ состояніи, если захочетъ, избѣгнуть угрожающей ему опасности.